

"Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему".
Лев ТОЛСТОЙ

"ЛЮДИ ВСТРЕЧАЮТСЯ, люди влюбляются, женятся!" — душевно и бодренно пела радиоточка, а где-то у соседнего подъезда гуляла очередную свадьбу: невеста в длинном платье и развевающейся фате смотрелась едва ли не сказочной принцессой, а её патлатый — по моде 1970-х — жених весь преобращался, в тесном чёрном костюме при галстукте "бабочкой". Кто-то из деревенских родственников принимался петь частушки, и вся процессия шумно уезжала в ЗАГС. Вся школьная литература была перенасыщена темами любви и брака: герои мучились от сословных предрассудков, барахтались в тенетах старинной морали, иной раз — кидались в реку или даже под поезд. Бесприданницы — рыдали, готовые лучше умереть, чем выйти замуж за Карандышева. Легкомыслие Наташи Ростовы становилось рыхлыми и тёплыми жёнами. "Новые люди" Чернышевского и все жили странноватыми коммунарами, переходя друг от друга по велению души, плоти, идеологии.

1960-е годы. Фото Виктора Ахломова

ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА

Воспоминания о любви и семье на выставке «Фамильные ценности»

На вечернем телеэкране крутились бесконечные фильмы о поздней любви деревенских баб, воплощаемых Натальей Гундаревой, и о пронзительных страстях городских красоток с лицом и станом Людмилы Гурченко. Ретро-мотивы с поемами доносили "Спасибо, сердце!" от Леонида Утёсова; переплетались "Сердца четырёх" в предгрозово жажде страсти — и белокурая героиня падала объятия статного офицера.

И — "Весна" победы, где Николай Черкасов в роли мэтра вопрошал Любовь Орлову, знает ли она, что такое любовь? "И тает лёд, и сердце тает..." Вторили заграничные группы, оравшие "Ай лав ю!" и прочие попсовые глупости. Бытие словно бы крутилось вокруг этой темы: встречаются — влюбляются — женятся. "И вершина

любви, это чудо великое — дети", — добавлял мягкий мужской голос из "Песни года", как бы задавая курс: "Вновь мы с вами пройдем / Детство, юность, вокзалы, причалы. / Будут внуки потом, / Всё опять повторится сначала". Цикличность и — вечность.

Этому посвящена изумительная выставка "Фамильные ценности", проходящая в Музее Москвы. Здесь можно увидеть всё: и кружева невест Серебряного века, и фотографии влюблённых шестидесятников, и детский ГДРовский сервис 1970-х. Мелькают письма, свидетельства о браке, веточки искусственных роз, открытки, чашки, пылесосы. На мониторах — отрывки из кино. Это больше похоже на инсталляцию, посвящённую коллективной памяти, чем на просветительский проект, поэтому экспозиция обращена к чувствам и личным переживаниям. Выставки Музея Москвы этим и славятся — в них отсутствует жёсткокольная дидактика; тут всё отвечает на вопрос: "А помнишь?", тогда как менторское "Знаете ли вы, что...?" уходит куда-то на задний план.

Разъяснительные стенды знакомят не только с разделами экспозиции — тут есть забавные, поучительные лав-стории и семейные предания. Фотошедевры именитых репортёров перемешаны со снимками из обычных альбомов. "Фамильные ценности", на первый взгляд, покажутся этаким сумбуром, но — рождающим стройную мелодию. Семья — это ячейка общества, как писалось в наших учебниках, и это — ячейка мироздания.

Выставка состоит из условных "глав" бытийной книги человека: вот встреча с будущим супругом, приготовления к свадьбе, церемония, а там — свой дом, квартира или угол в коммуналке, рождение ребёнка, мир детства, — всё циклично. Ребёнок вырастет, и вот ему уже вслед кричат: "Эй, жених!" — когда он идёт с букетом к подруге-старшекласснице. Потому экспонаты можно рассматривать из любой точки пространства: "Всё опять повторится сначала". Под стеклом — брачные объявления 1900-х, из которых мы узнаём, что люди прошлого тоже бывали романтичными, туповатыми, деловыми, алчными, добрыми. И — спешащими. Вот — образованной старой деве надобно мужа-товарища, который "не ищет красоты и денег", а тут молодой человек "при службе" нацеливается на "полную женщину из купеческого сословия". Преуспевающий юрист ответит приятной и обеспеченной девице. Какому-то чуднику нужна "некрасивая блондинка малого роста".

Для создания атмосферы — рекламные листки с предложениями "настоящих швейцарских часов" и велосипедов новейшей конструкции, какао-порошка "Эйнем" и услуг опытных адвокатов с немецкими фамилиями. Поодаль — могучие сундуки с приданым, прямо, как у чеховских помещиков — "Пух-то ведь какой! Пушинка к пушинке — ни одного пёрышка!". Подушки с наброшенными на них тонкими накидками, одеяла, ковёр с узорами стиля Ар Нуво — всё подсвечено пошловато-розовым светом. Так и кажется, что сейчас войдёт напояженный жених, а ему вслед

понесётся: "Помилуйте! Все знают, что вы из-за любви... Приданое пустяшное". На стендах — меню торжественных обедов: изысканнейшая картонка с гроздьями винограда, купидонами да лентами; каллиграфическим почерком расписаны блюда. Рядышком — письмо, где ни слова в простоте. Сплошные виньетки мыслей: "предмет задушевных моих надежд", "вполне проникнут сознанием торжественности этой минуты", etc.

Облачения женихов, невест и гостей — беспрерывные фразы для кавалеров. Даже защиточные крестьяне и квалифицированные рабочие брали напрокат французную парю, дабы не оскверниться. В своих мемуарах Феликс Юсупов, хулиган и бонвиван, отметил, что специально "венчался" в každодневной своей визитке, и очередная выходка молодого князя возмутила весь аристократический Петербург. Утраченная роскошь дамских платьев, надеваемых поверх туфл корсетов — тут всё нежность и чары. Где это ныне? А вот и дореволюционные детские коляски — громадные, неуклюжие и чем-то напоминающие экипажи. Колёса — почти велосипедные. Умиляющие пупсы в бельё, чепчиках и оборках. И — напоминание о той коляске, что неслась по лестнице, пущенная Сергеем Эйзенштейном в "Броненосце "Потёмкин""". Символ безумия и жестокости разгорячённых масс.

Многозначительный акцент — парадные портреты самых разных семей: от дворян и купцов до пролетариев, но везде мы видим одни и те же причёски и сходные выражения лиц. Никакой лапотной России не существовало — Революция произошла в промышленно развитой цивилизации, которой оказалось тесно в рамках "настоящего", — она бешено неслась в неведомое грядущее. Увы, ломая всё: включая детские коляски и семейные установления. На одном из стендов — краткая аннотация: в 1920-х годах советское руководство пыталось искоренить базовые ценности, которые всё же вернулись в эпоху Сталина (исключая церковный брак). Так, не случилось никакого "обобществления жён" и тотального госконтроля над воспитанием ребят-отрябят. И снова мы наблюдаем фото семейных обедов, свадебных хлопот, малышей в матросских костюмчиках. "Реабилитировали" подушечки и салфетки, равно как вышивку гладью да крестиком. Нормальное времяпровождение для барышень-комсомолок! На одной из выставочных витрин — тюбетейка, вышитая частым крестиком: в те годы среднеазиатские тюбетейки были очень популярны: их носили и мальчики, и девочки. Специфический головной убор сначала привозили красноармейцы, боровшиеся с басмачами, потом — строители Туркисба.

Много шили, и потому один из важнейших экспонатов — "зингеровская" машинка с изыщным ножным приводом. Эта вещь спасала многих невест. Хотя приданое и "упразднили", как пережиток дрянного прошлого, но всё же никто не мог отменить человеческую тягу к уюту и красоте. Игрушки довоенного ребёнка: те же пупсы и деревянная лошадка, — задумка старая, но сделавшаяся ярким символом постреволюционно-

го поколения: "Я расту кавалеристом, подавай, отец, коня!" И — вывод: "Помогай Будённому!"

Значительное место на экспозиции занимают вещи, фотографии и картины времён "оттепели": от сине-голубого "Москвича" со свадбными кольцами на крыше до рисунков Дмитрия Пяткина. Это — иллюстрированная энциклопедия "хрущёвок": силуэты подъёмных кранов под сырным февральским небом, новосёлы с нехитрой поклажей, фигурки мамочек в актуальных синтетических шубках. Знаменитая фоторабота Владимира Лангранжа — влюблённая пара, идущая навстречу светлому будущему. Ветрено и чуть тревожно. Мимо несутся автомобили. Мир динамичен и прекрасен. И рядом — не менее узнаваемый сюжет Виктора Ахломова "Плывать мне на Мальтуса!", где "схвачен" интеллигентный папачка с двумя детьми. Почему очаркик плывёт на Томаса Мальтуса? Тот британец писал ещё в начале XIX столетия, что рост численности населения может привести к голоду. Тут же, вперемешку — любительские карточки. Для истории ценно всё: и линия мастера, и взгляд непрофессионала.

Улучшение благосостояния породило свадебный "бум" 1950-х — 1960-х годов: получение отдельной квартиры, удешевление мебели, упрощение бытовых условий, — всё это способствовало ранним семьям. Картина Юрия Пименова "На танцы": три подружки в ожидании радостных встреч и скорых свадб. Да, уже спели по радио, что "на десять девчонок по статистике девять ребят", но им-то уж точно повезёт! Женщины монтажки-высотники, строители пятиэтажек, юные студентки, выбирая скромных, но бойких девочек-веточек. Вот короткое плащиче середины 1960-х, когда простота кроя и лапидарная чёткость были возведены в культ.

Центром экспозиции является своеобразная панорама комнат: от начала XX столетия до 1970-х годов. Как эволюционировало самое бытовое, что может быть — жильё хома сапиенса? Мы созерцаем шмру Серебряного века — всю испещрённую цветами, радком — сервант и кресло; фрагмент купеческой гостиной — с баринско-самоваром и шикарными сладостями, но тут же — комната коммунального обиталища 1930-1950-х с круглым столом и телевизором КВН-49. Но — прогресс неумолим, и вот мы перепрыгиваем через эпохи, оказываясь в типовой застройке на "Третьей улице Строителей", в ожидании Жени Лукашина и Нади Шевелёвой. Наряжена ёлка, на полированном столе — хрустальные бокалы, металлическая коробка с импортным печеньем и коробка шоколадных конфет. Мы совершили путешествие, будто бы собирая осколки и обрывки памяти.

Тут — совсем крошечный столик с пластмассовым кофейным сервизом, и вокруг него сидят наши немецкие куклы: щекастые и глазастые, с шелковистыми волосами, которые было так приятно расчёсывать. И — мягкие зверушки, свалывшиеся и немного жалкие, но щемяще-любимые. Проекты Музея Москвы — это всегда ошеломительные встречи с самим собой. Зеркало биографии. Лев Толстой полагал, что удачные семьи — похожи друг на друга. Наверное, он прав, только декорации беспрестанно меняются — вот уже и фотографии современных девочек-мальчиков, обнимающихся в предвкушении счастья. Придёт минута, когда их айфоны и гаджеты станут разглядывать с восторженно-печальными улыбками: "О, как неспешно и чарующе жили наши смешные бабушки в начале 2020-х!"

Галина ИВАНКИНА

УСЛЫШАТ ЛИ КАНАРЕЙКУ?

Глобальный кризис и премия «Оскар»-2020 фильму «Паразит»

ПРОШЛА ОЧЕРЕДНАЯ церемония "Оскара". Сама премия, как показывают её рейтинги, скоро никому не будет нужна: если в 1998 году церемонии в прямом эфире смотрели 59 миллионов человек, то в этом — всего лишь 24.

Пережёвывание одного и того же, "обмусоливание" нарядов, брэнчание драгоценностями, вставные челюсти, керамические улыбки, слезящиеся глаза и волнение силиконовых грудей — всё как обычно. Террариум единомышленников.

В прямой трансляции "Эй-Би-Си" можно было увидеть ровно то, о чём говорил не так давно актёр и режиссёр Рики Джервейс: "Всем наплевать на кино! Никто не ходит туда. Все смотрят сериалы. Серьёзно. Фильмы стали ужасными. Все актёры ушли в net и HBO. Оставшиеся в Голливуде снимают фантастическо-приключенческую чушь. Они надевают маски, плащи и облегающие костюмы. Но они больше не актёры. Их работа — тренажёрный зал дважды в день и стероиды. Apple вот тоже теперь снимает сериалы про достоинство и правильное поведение. Неплохо для компании, владеющей потогонными фабриками в Китае. Apple, Amazon, Дисней. Если бы ИГИЛ (организация запрещена в России. — ред.) запустили свою телеплатформу, ведь вы же присылали бы им коммерческие предложения, не так ли? Короче, если вам сегодня станется награда, не пытайтесь с этой сцены говорить о политике. Вы не имеете на это права, вы ничего не знаете о реальном мире. Большинство из вас провели за школьной партией меньше времени, чем Грета Тунберг".

Впрочем, вся эта стареющая и заветливая свора превращается в македонскую фалангу, как только речь заходит о её насущных, коммерческих, в первую очередь, интересах. Поэтому с момента избрания Трампа, которому, как известно, по вкусу совершенно другая пропаганда, каждую церемонию Голливуд превращает в политическое событие, а подиум — в трибуну для отважных демаршей и едких укусов. И в этот раз всё было как всегда. Брэд Питт шутил про импичмент, Хоакин Феникс проливал слёзы по сексуальным меньшинствам. На экране появлялось до боли знакомое подростковое лицо из Швеции. Зал загибал пальцы, сколько и куда номинировано темнокожих, жен-

щин и приверженцев нетрадиционной сексуальной ориентации. Ярмарка политкорректности шла по всем правилам. На сцене скакал Эминем, подвывала Билли Айлиш, брэнчал по клавишам вконец разжиравший Элтон Джон, получивший статуэтку напополам со своим возлюбленным-партнёром. Оркестром впервые за 92 года дирижировала женщина! Шаг в полном смысле революционный. Короче, всё как всегда.

Однако главным политическим заявлением стало присуждение аж четырёх статуэток корейскому фильму "Паразит". Помните: "Паразит", а не "Паразиты". Потому что фильм — не про людей-паразитов, а про конкретного паразита, о котором чуть позже.

Режиссёр Пон Чжун Хо благодарил голливудскую общественность через переводчика. Вообще, все благодарили друг друга, смеялись, плакали, хлопали, а потом разошлись по дорогим го- щинам в городе с наиболее высокой концентрацией бездомных на западном побережье США.

Что же означают четыре Оскара "Паразита"? Формально это козырь морда, которую Голливуд и Демократическая партия США (покажите в зале хотя бы одного республиканца!), демонстрируют Трампу. Идёт избирательная кампания, Трамп постоянно пугает народ призраком социализма... В ответ демократы Айовы голосуют за Берни Сандерса. А киношники вспоминают, когда в Калифорнии комиссия сенатора Маккарти охотилась на ведьм и колдунов вроде Бертольда Брехта.

Однако есть и другой смысл. В общем зачёте минимум три фильма: "Паразит", "Джокер" и "Отверженные", — имеют чёткую социальную подоплёку. Призывают, если не к слову как капиталистической системы, то хотя бы к пересмотру её легитимности. Сбоку притулился "Кролик Джоджо". Есть ещё "Ножки наголо" — никакой не детектив, а беззубая политическая сатира, нацеленная на типичного консерватора, сторонника Трампа. Короче, представители бегемы, по всей видимости, шкуркой ощущают назревающие в мире настроения и транслируют их, реагируют на них. Ну, уж как могут — так и реагируют.

Но, обратите внимание, действие во всех этих фильмах происходит где-нибудь далеко, за тридевять земель, в сказке, на другой планете. То есть

Оскар остаётся верен себе. Картины, отражающие неприглядную реальность самой Америки, пролетают мимо этой премии. Например, "Тёмные воды", "Лондромакс", "Официальные секреты" и некоторые другие.

Градусник, по которому можно по-прежнему безошибочно измерять температуру, — это категория "Документальное кино". Вот уж где был настоящий разгул политкорректности! Сражались два фильма о преступлениях режима в Сирии и "Американская фабрика": фильм, снятый Higher Ground Productions, — конторой, которую вместе с Netflix упреслили Барак и Мишель Обама. Фильм рассказывает о проклятых китайцах, которые лишили американского рабочего работы.

Ну, что ж, теперь к триумфатору. Режиссёр Пон Чжун Хо по образованию — социолог, придерживается левых взглядов довольно давно и уже получал однажды четырёхминутную овацию в Каннах. Теперь его фильм признан самым лучшим фильмом за всю историю корейского кино. И, одновременно, — самым прибыльным.

Вообще, "Паразита" надо воспринимать как продолжение его предыдущих картин, в особенности фильма "Сквозь снег", где Пон Чжун Хо тоже ставит проблему войны классов не на жизнь, а на смерть. Смерти там и впрямь навалом. По корейской традиции, все рубят друг друга ножами и топорами. Сценарий "Паразита" пришёл в голову Пон Чжун Хо тогда же, ещё на съёмочной площадке. Подсказала история знакомого, который работал какое-то время репетитором по английскому языку в богатой семье в Сеуле. Ещё один сюжет, повлиявший на режиссёра, — прогрессившая в 30-е годы прошлого века драма. Две домработницы во Франции, сёстры Палин, зарезали свою хозяйку. Жан Поль Сартр тогда разглядел в этом поступке признаки классовой борьбы.

Дурацкий перевод названия корейского фильма заставляет зрителя гадать, кого же Пон Чжун Хо считает паразитами? Богатую семью? Бедную семью? На самом деле, режиссёр ничего не скрывает. Паразиты и те, и другие... Вот прямая цитата:

"Поскольку история посвящена бедной семье, проникшей в богатый дом, вроде бы очевидно, что именно она, бедная семья, и состоит из паразитов,

что, должно быть, смутило нашу команду по маркетингу. Но если вы посмотрите на происходящее с другой стороны, то ясно, что богатая семья тоже паразитирует на чужом труде. Эти люди не могут даже помыть посуду. Поэтому паразиты — все". Вот такая диалектика!

Но паразит-то в фильме один, на самом деле. Поэтому и число единственное. Этот паразит — главный герой фильма. Этот паразит — система, олицетворением которой является гротескно огромный дом. Он такой большой, он разделён на несколько непересекающихся миров лестницами, чтобы даже ползающие по полу люди вызывали у зрителя ассоциации с разбегающимися от света насекомыми. Тараканами, например. О них вспоминают в фильме.

Система, в которой невозможно не быть паразитом, — вот главная мысль. Система, в которой бедные обречены драться за право паразитировать, а богатые пресмыкаются и паразитируют точно так же: друг на друге, и на бедных, и на всех остальных. Этот фильм, на самом деле — сатира на весь установившийся порядок вещей, который и богатые, и бедные не считают возможным оспаривать. Однако внутри этого мира зреет запрос на перемены. И если отец семейства паразитов говорит: "Ничего не надо менять, просто смирились!", — то молодой и небестолковый парнишка Ки У под занавес картины произносит: "Нет, у меня есть план!"

План, конечно, так себе. Выбросив волшебный камень, приносящий богатство, Ки У намерен заработать столько денег, чтобы купить этот проклятый дом и выпустить из подвала, вывести на свет из-за тараканьего плинтуса своего отца. То есть, по большому счёту, упразднить систему, которая делит людей на паразитов и... паразитов.

Кстати, говоря о "Паразите", нельзя не вспомнить о предшествовавшем ему японском фильме "Магазинные ворюшки". Там тоже показывается условная семья на социальном дне. Видать, экономический кризис ощущается не только в Сеуле, но и по всей Азии. На революцию всё это вряд ли тянет, но, по крайней мере, режиссёр честно предупреждает: однажды накопившиеся в подвале противоречия, годы бесилия и унижений, — вырвутся на поверхность. На каждую ярмарку политкорректности найдётся свой озверевший мужик с ножом. Вот в этом смысле и "Джокер", и "Паразит", и "Отверженные" — это фильмы-"звоночки". Это фильмы-предупреждения. Их художественную ценность можно оспаривать, но тут важна не эта ценность, а социальная функция. Примерно такая же, как у канарейки в забое. Вопрос только в том — услышат ли канарейку?

Константин СЁМИН

Совместная фотография номинантов на премию «Оскар»-2020. Голливуд — коллективный чёт с рогами

Яков СЕМЁНОВ "Жизнь без черновика. Воспоминания полковника КГБ СССР". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Иван ЧИГИРИН "Сталин. Болезни и смерть. Документы". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24.

Джульетто КБЕЗА. "Цугцванг для человечества". Справки по телефону 8 (985) 256-91-24

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

К 60-летию Василия ДВОРЦОВА

15 ФЕВРАЛЯ отметил юбилей наш товарищ, заместитель председателя Союза писателей России Василий Владимирович Дворцов — человек щедро и разносторонне одарённый. Закончив художественное училище в Новосибирске, он работал театральным художником, оформил более 50 спектаклей в различных городах Советского Союза. Был реставратором, иконописцем, расписывал храмы. Пробовал себя во множестве профессий: трудился и токарем, и преподавателем биомеханики актёрам...

На некоторых попрощах весьма преуспел, снимав признание профессионального соющества. Но главным призванием, любовью и даже миссией стала для него литература. Сам он говорил так: "Литература в отношении к иным искусствам — основа основ, как математика для остальных наук... Литературный процесс, как процесс национального самосознания и самочувствования, глубокий проработки вечных и злободневных тем, полнотой их охвата — призван отвечать культурным и нравственным потребностям общества. Читатель ищет в большой, настоящей литературе свидетельство и толкований своему бытию — как внешнему, так и внутреннему. А сегодняшний читатель, участник и жертва затянувшейся смуты, ищет в книгах особенной мудрости".

"Нация формируется языком. Кровь и почва в этом процессе вторичны. Именно язык созидает нацию, через язык в нацию входят и вживаются и новые этносы, и новые пространства. И сам народ меняется языком, посредством которого нацию можно рассеять и мобилизовать, расщепить и возродить. Ведь речь для человека является не "главным средством коммуникации", а основой его мышления. Речь строит мировоззрение человека.

Если язык формирует нацию, то литература созидает общество. Именно литература определяет и утверждает, делая для всех в обществе равно признанными, те нравственные императивы, на которых уже строятся и политические, и экономические, и социальные институты. Литературный процесс — это процесс национального самосознания. Через и в ходе литературного процесса нация себя видит, себя чувствует, осознаёт и — запоминает. Именно художественная литература является основой, истоком и первопричиной любой цивилизации.

Но художественная литература для цивилизации не только значительность, она её постоянная животворящая сила, её наполненность и рост, её стержень и покрытие. Именно живой, ежедневно прибывающей литературой определяется роль нации в земной истории и действительности. За пределами литературы цивилизации нет. Ибо там нет ничего человеческого. Только звериное, стихийное, демоническое".

Как прозак, поэт, публицист — Василий Дворцов заявляет о себе в начале двухтысячных, его рассказы, повести, статьи, стихи печатают ведущие литературные издания России и Белоруссии, его произведения удостоены множества литературных и журналистских премий.

Моц Россия, как предвидел Ломоносов, прирастает Сибирью. А русская литература прирастает сибиряками!

Дорогой Василий Владимирович! Желаем тебе здоровья, долголетия, а русской литературе — твоих новых книг.

Редакция газеты "ЗАВТРА"

Василий ДВОРЦОВ

СИБИРЯК

В моей крови течёт моя страна:
Леница Днепра и бурный нрав Амвра,
Седого Волхова неароматная волна
С Кубанской мутью внешнего разгула.
Во мне связались солнечным узлом,
Сплелись, свелось Господним путями
В единстве объяснимо непростом
Хохол, маньчжур, казак и северян.
Тесно плечами Запад и Восток,
Ущипный свист в усах Тиграракани.
Но горькой желью прожигает бок
Чернь Томских изб в крапиве и бурьяне.
Смиренье и бунтарство — маята
В моём сердцебиении и выханыи,
А области предрозных полотна —
Мои моления и мои зерзаныи.
Котомка-память семена хранит,
Что станут виноградом и пшеницей.
А под платю сонный рыба-кит...
А в волосах гнездящиеся птицы...
Четыре края с памятью кровей,
Такая щедрость многим и не силася!
Я переплел Родины мой —
Она на мне

во мне
перекрестилась.